

Одинокий звездный путь

Виктор Слипенчук в образах своих героев находит общую мировую душу

Дана Курская



Следуем путем добра...

Фото Андрея Щербака-Жукова

Роман Виктора Слипенчука «Звездный спас», по мнению некоторых, опередил свое время. Он был написан, насколько мне известно, в начале 2000-х, когда тема компьютеризации заслонила собой тему людей со сверхспособностями, о чем принялись активно говорить в 90-е.

«Звездный спас» дважды издавался в России, также выходил в Китае в 2011 году и во Вьетнаме и Сербии – в 2013 году. Во всех странах эта история была принята широкой читательской аудиторией довольно тепло и вызвала заметный резонанс в виде рецензий, отзывов и круглых столов, посвященных главной загадке романа. Попробую разгадать эту загадку и я.

Сюжет строится вокруг взаимных чувств парапсихолога Иннокентия и инженера-землеустроителя Фивы Флоренской, вчерашней студентки.

Чем же эта любовь отличается от других историй любви и отчего она звучит с неземной интонацией в привычном для нас мире? Почему эти чувства – особенные? Дело в том, что любовь, как сильнейшая эмоция, выводится автором на принципиально новый уровень, поскольку эти влюбленные представляют иное поколение людей – людей, обладающих сверхъестественными способностями. Иннокентий и Фива – люди-индиго, умеющие перемещаться в прошлые миры материнских планет, владеющие духовным опытом прошлых цивилизаций.

Возможно, Виктор Слипенчук в образах своих героев находит как раз ту самую общую мировую душу, о которой писал Чехов в пьесе «Чайка». *«Тела живых существ исчезли в прахе, и вечная материя обратила их в камни, в воду, в облака, а души их всех слились в одну. Общая мировая душа – это я... я... Во мне душа и Александра Великого, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и последней пивки. Во мне сознания людей слились с инстинктами животных, и я помню все, все, все, и каждую жизнь в себе самой я переживаю вновь»*, – из монолога Нины Заречной.

Но может ли быть понята в современном обществе мировая душа? К сожалению, вряд ли. Люди еще не готовы к такой встрече. Кроме того, в человеческой природе веками заложено отторжение по отношению к инаковости. Поэтому люди-индиго, как и большинство талантливых в чем-либо людей, вынуждены проходить тяжелый путь принятия их человечеством.

Однако вот такие, отторгаемые, непринимаемые, по сути, изгои, и должны спасти тех, кто им не верит. И ведь глобальный пример такой ситуации нам всем хорошо известен. Один принял на себя грехи всех и тем самым подарил им жизнь вечную.

Тут также уместно вспомнить и великое открытие, автора которого сожгли за него на костре...

«...«Один за всех, и все за одного!» Это очень, очень ошибочная идея! – пишет Слипенчук. – Она была хороша, когда были мушкеты и шпаги, но в наш век – это глупая идея. Вспомните профессора Бреуса – есть геометрия Эвклида (она применима для ограниченных пространств), а есть геометрия

Лобачевского. Вы хотите вместить геометрию Космоса в постулат – один за всех, все за одного. Это колоссальное заблуждение...»

Виктор Слипенчук – прозаик полисемантический. В его «Звездном спасе» сплелись и века, и истории, и сюжеты, и аллюзии, точно так же, как они сплелись внутри самих людей-индиго.

Туманные отголоски, словно переключки звезд в темном космосе, слышны через миллиарды километров, и мы можем расслышать в романе реминисценции к произведениям Стругацких, Толкина и даже Уайльда («Мальчик-звезда»). Читаем у Слипенчука: *«...Время Звездного Спаса – это и есть Время Звездного Ребенка, или индиго. Это время испытаний человека, его человеческого смысла, когда благодаря Звездному Ребенку он сможет входить в любое из пяти пространств, соответствующих его телу, а точнее, пяти телам. Но у нового человека, индиго, должно быть шесть тел, как шесть граней у медовой соты...»* Образ Звездного ребенка противопоставляется внешнему трикстеру – Мальчику-Звезде, который своим необыкновенным даром воспользовался во зло. Через не прямое сопоставление этих образов Слипенчук, как мне кажется, хочет донести до читателя, что миссия талантливого человека состоит в том, чтобы каждый раз выбирать путь Добра и открывать этот путь другим людям. Только такой путь способен увести всех от краха цивилизации, уберечь от всеобщей гибели, стать тем спасительным Ноевым ковчегом, которого мы так все ждем. Но невозможно ждать помощи извне, ничего при этом не делая. Мы сами должны построить ковчег, каждый из нас должен стать Ноем.

Литературные критики говорят, что признаком не просто сильного фантастического романа, а по-настоящему выдающегося является желание поиграть в мир, который в нем описан, то есть каким бы то ни было образом попасть в придуманную автором реальность или имитировать попадание. Думаю, хотя бы ненадолго стать человеком-индиго захочется каждому читателю «Звездного спаса», ведь чувства, которые испытывают Кеша и Фива, – вполне человеческие, знакомые, даже когда речь идет о страданиях.

«– Ты слишком стал человеком. Ты исключен.»

Кеша почувствовал, что земля заколебалась, и все вокруг померкло, и он, упав, летит по бесконечному живому пространству сквозь мириады лучащихся звездочек. И он закрыл глаза. И в ту же секунду услышал приближающийся железный вихрь допотопной электрички. Вихрь накрыл его, и он с горечью подумал, что не хочет ни будущего, ни прошлого, ему

хочется быть рядом с Фивой. А ветер все шумел и шумел, и он открыл глаза...»

Анализируя роман с точки зрения языка, хотелось бы подчеркнуть, что достоинство этого текста в том, что его стилистика выдает: перед нами – проза поэта. К примеру: *«...когда красные огоньки маршрутки померкли, Кеша осмотрелся. Земля была припорошена легким, почти прозрачным снежком. В свете электрических лампочек он вспыхивал, переливался подобно драгоценным камням, а столбы с фонарями стояли точно последний дозор, дальше – село... Кеша поднял голову – темные очертания изб словно придвинулись к нему, а шум города как бы осел и ушел под землю...»*

Авторская поэтика проявляется в романе при помощи поэтических художественных средств благодаря вживлению в прозу метрически организованных отрывков, звукописи и созданию некоего ритмического рисунка.

Проза поэта вообще часто характеризуется концентрацией символических образов, которые раскрывают идейный замысел произведения: *«Стеклянные мензурки и палочки стеклянные. Блеск искусственных капилляров и искусственной крови в хрустальных сосудах. И еще сапфировый перстень, выплескивающий звездный пламень. Пламень последней надежды все искупающей любви...»*

Я выбрала в качестве цитаты именно эти слова, потому что не только хотела продемонстрировать систему поэтических образов автора, но и для того, чтобы высветить, пожалуй, главное слово в романе: *«Надежда»*.

Вот, вероятно, и разгадка тайны этого произведения. Вот и ответ, почему роман «Звездный спас» вызвал живую реакцию и простых читателей, и профессиональных литературных критиков. Все предельно просто – в темные времена любому человеку более всего необходима именно надежда.

В одном из многочисленных своих интервью Виктор Слипечук и сам говорит об этом:

«Чистота помыслов главных героев дарит им и нам надежду на новое небо и новую землю».

Следуя одиноким, но звездным путем Добра, даря другим людям Надежду, мы в итоге и получаем в качестве высшей награды ту самую вечную любовь, которая всегда в настоящем, которая никогда не кончается.